

Автор бестселлеров *The New York Times*

бесконечная песнь

Кровь Эдема. Книга 3

Джули Кагава

Перевод Марии Мельниковой

Кровь Эдема

Джули Кагава
Бесконечная песнь

«ЭКСМО»

2014

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)-44

Кагава Д.

Бесконечная песнь / Д. Кагава — «Эксмо», 2014 — (Кровь
Эдема)

ISBN 978-5-04-253957-2

Узнав о смерти возлюбленного, Эллисон Сикимото приняла свою вампирскую природу – ради того, чтобы выследить и остановить Саррена. Сделать это будет непросто, ведь сумасшедший кровопийца приготовил немало «сюрпризов» для тех, кто идет за ним. Цель Саррена – Эдем, который Элли и ее спутники должны защитить любой ценой, ведь это последнее место на земле, свободное от вампиров и бешеных. В разрушенном мире, где не осталось ничего святого, а союзники могут в любой момент вонзить вам нож в спину, Эллисон будет биться до последнего. Но готова ли она встретить вечность одна?..

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-253957-2

© Кагава Д., 2014
© Эксмо, 2014

Содержание

Часть I	6
Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Джули Кагава

Бесконечная песнь

*Посвящается Нику. Твои идеи бесценны.
И моим читателям. Ваши слезы питают мою музу*

*Я не жду, что ты поймешь, птичка моя. Я жду от тебя лишь
песни. Спой для меня, спой для Кэнина, и пусть это будет чудесная песня.
Саррен*

Серия «Кровь Эдема»

Julfe Kagawa
The forever song
Blood of Eden. 3

Перевела с английского Мария Мельникова

SODA PRESS

Данное издание опубликовано по договоренности с Harlequin Enterprises ULC.

Это художественное произведение. Имена, персонажи, места и события либо являются плодом авторского воображения, либо используются вымышленно, и любое сходство с реальными людьми, живыми или мертвыми, деловыми учреждениями, событиями или местами случайно.

© Мария Мельникова, перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026 Soda Press

Copyright © 2014 by Julie Kagawa Иллюстрация на обложке © lem_lemon_ka

Часть I

Демон

Глава 1

Ворота заставы скрипели на ветру, створки мотались на петлях туда-сюда. Они негромко стукались о стену, и этот ритмичный звук эхом разносился в давящей тишине. Холодный ветер скользнул в щель между створками, и в воздухе тяжелым покрывалом повис запах крови.

– Он был здесь, – пробормотал стоящий рядом со мной Кэнин. Вампир-Мастер темной статуей возвышался на фоне падающего снега, неподвижный и невозмутимый, но взгляд его был мрачен. Я бесстрастно смотрела на ограду, ветер трепал мой плащ и прямые черные волосы.

– Есть какой-то смысл заходить туда?

– Саррену известно, что мы следуем за ним, – раздался тихий ответ. – Он специально подстроил, чтобы мы это увидели. Он хочет, чтобы мы знали, что он знает. Когда мы войдем в ворота, там нас, скорее всего, будет что-то ждать.

Послышался скрип шагов по снегу – к нам подошел Шакал, полы черного плаща развевались на ветру за его спиной. Он взглянул на ворота, и в глазах его загорелся злобный желтый огонек.

– Ну что ж, – сказал он, обнажив в усмешке кончики клыков, – если он так старался все это устроить, невежливо будет заставлять психа ждать, верно?

Уверенной походкой он двинулся вперед, миновал сломанные ворота и направился к крохотному поселению за ними. Помедлив пару мгновений, мы с Кэнином последовали за ним. За стеной запах крови сделался сильнее; впрочем, на узкой дорожке, что змеилась между домами, не было заметно никакого движения. Хлипкие лачуги из дерева и жести стояли темные и безмолвные. Мы шли дальше, мимо занесенных снегом крылечек и пустых стульев. Все выглядело целым и нетронутым. Трупов не было. В тех немногих домах, куда мы зашли, мы не нашли ни искалеченных тел в кроватях, ни кровавых брызг на стенах. Даже мертвых животных не было на крохотном утоптанном пастбище на задворках. Лишь снег и запустение.

Однако все здесь пропитывал густой запах крови, он висел в воздухе, от него у меня ныл желудок и глубоко внутри рычал, пробуждаясь, Голод. Я подавила его, стиснув зубы и не давая раздраженному рыку вырваться наружу. Прошло слишком много времени. Мне требовалась пища. Запах крови сводил меня с ума, а тот факт, что здесь не было людей, заставлял беситься. Где они? Не может такого быть, чтобы целая застава смертных взяла и исчезла без следа. И тут, обогнув пастбище и поднявшись на холм к огромному сараю, мы нашли здешних жителей.

Перед сараем стояло громадное голое дерево, его искривленные ветви когтями царапали небо и гнулись под грузом десятков подвешенных за ноги тел. Мужчины, женщины, даже несколько детей покачивались на ветру, их бледные окоченевшие руки безвольно свисали вниз. Горла у них были перерезаны, а у основания дерева чернело пятно: вся кровь впустую ушла в снег.

Но запах все равно едва не сбил меня с ног, и я стиснула кулаки – Голод рвал мои внутренности раскаленными когтями.

– Что ж, – пробормотал Шакал, скреживая руки на груди и рассматривая дерево, – веселенькое зрелище, не правда ли? – Голос у него был напряженный, словно он тоже едва владел собой. – Полагаю, это и есть причина, по которой мы не нашли ни единого кровавого мешка

по дороге от Нью-Ковингтона. – Он рыкнул, тряхнул головой и оскалится, обнажая клыки. – Этот чувак реально начинает меня выбешивать.

Я подавила Голод и постаралась сосредоточиться вопреки терзающей меня боли.

– Да ладно, Джеймс, только не говори, что тебе жалко ходячие куски мяса, – поддела я его, потому что иногда поглумиться над Шакалом было единственным способом отвлечься от всего.

Он закатил глаза.

– Нет, сестра, я зол потому, что они имели наглость подохнуть, и теперь я не могу их съесть, – бросил он, сверкнув клыками – редкая вспышка гнева. Шакал сверлил трупы голодным взглядом.

– Гребаный Саррен, – сказал он. – Не желай я так сильно смерти этого психопата, то сказал бы – пошло все к черту. Если так будет продолжаться, нам придется сойти со следа, чтобы найти какой-нибудь кусок мяса с неперерезанным горлом, чего этот ублюдок наверняка и добивается. – Шакал вздохнул, сердито зыркнув на меня. – Все было бы намного проще, не угробь ты джип.

– В последний раз говорю, – зарычала я на него. – Я просто показала свободную от застав улиц. Я не оставляла на дороге гвозди, на которые ты наехал.

– Эллисон.

Негромкий голос Кэнина вклинился в нашу ссору, и мы повернулись. Наш господин с мрачным лицом стоял у угла сарая – он жестом подозвал нас. Бросив последний взгляд на дерево и его чудовищные плоды, я подошла к Кэнину, вновь чувствуя, как вгрызается в меня Голод. Сарай вонял засохшей кровью даже сильнее, чем ветки дерева. Возможно, потому, что ею была целиком покрыта одна из стен – вертикальные черные полосы пересекали доски.

– Пойдемте отсюда, – сказал Кэнин, когда мы с Шакалом приблизились. Голос его звучал спокойно, хотя я знала, что он голоден не меньше нашего. А возможно, что и больше, ведь он до сих пор восстанавливался после того, как едва не погиб в Нью-Ковингтоне. – Выживших тут нет, – продолжил Кэнин, печально оглянувшись на дерево, – а времени у нас все меньше. Саррен ждет нас.

– Откуда ты знаешь, старик? – спросил Шакал, вслед за мной подойдя к стене сарая. – Ну да, явно дело рук нашего психопата, но он мог это сотворить и просто забавы ради. Ты уверен, что он знает, что мы идем за ним?

Кэнин ничего не ответил, лишь показал на измазанную кровью стену перед нами. Мы с Шакалом взглянули на нее, но я не увидела ничего особенного. Кроме покрытой кровью стены, разумеется.

Но Шакал тихо, горько хохотнул.

– Ах ты подонок. – Он смотрел на сарай, улыбаясь и покачивая головой. – Какая прелесть. Посмотрим, будешь ли ты таким же забавным, когда я примусь насмерть забивать тебя твоей же оторванной рукой.

– Что там? – спросила я, понимая, что явно что-то упускаю. Я снова поглядела на сарай – что там такого увидели другие вампиры, чего не замечала я? – Что такого забавного? Я ничего не вижу.

Шакал вздохнул, шагнул мне за спину, ухватил за воротник и потянул прочь от стены.

– Эй! – огрызнулась я, отбиваясь. – Пусти! Какого черта ты делаешь?

Не обращая на мои протесты никакого внимания, Шакал продолжал тащить меня за собой назад. Примерно через десять шагов он остановился, и я вывернулась из захвата.

– Что с тобой такое? – обнажила я клыки.

Шакал молча показал на сарай.

Я снова взглянула на стену и замерла. Теперь, с расстояния, я видела, о чем говорили Кэнин и Шакал.

«Саррен, – подумала я, и внутри разлилась знакомая холодная ненависть. – Ах ты больной ублюдок. Это меня не остановит, и это тебя не спасет. Когда я тебя найду, ты пожалеешь о том, что вообще узнал мое имя».

На стене сарая кровавыми десятифутовыми буквами был выписан вопрос. Вопрос, который неопровержимо доказывал: Саррен знал, что мы идем за ним. И что, возможно, мы следуем прямо в ловушку.

НУ ЧТО, ПРОГОЛОДАЛИСЬ?

С тех пор как мы покинули Нью-Ковингтон, прошло две недели.

Две недели пути по бесконечным заснеженным дорогам. Две недели холодных пустошей и безмолвных мертвых городов. Пустых домов, увитых ползучими растениями, безлюдных улиц, древних остовов машин, ржавеющих в канавах. Никакого движения, лишь тут и там мелькали дикие звери, большие и маленькие, они захватили власть над улицами, которыми когда-то правили люди. Джип, как красноречиво высказался Шакал, мы угробили, и всем троим пришлось шагать по пустым дорогам, преследуя безумца, который знал, что мы идем за ним. Который всегда оказывался на шаг впереди. Времени оставалось все меньше, сказал Кэнин. Я полагала, что в каком-то смысле он прав. То, чем владел Саррен, то, что он нес с собой, могло погубить множество людей. И возможно, весь мир. Саррен заполучил мутировавшую версию Красного вируса, который уничтожил цивилизацию шестьдесят лет назад, только у этой версии был один маленький гадкий побочный эффект: она убивала и вампиров тоже. Наша троица – я, Шакал и Кэнин – познакомилась с вирусом Саррена в Нью-Ковингтоне, где мы увидели подлинный ужас эпидемии. Люди превращались в безумных доходяг, которые вопили, раздирали себе лица, пока с них не сходила кожа, и нападали на все, что двигалось. На вампиров вирус действовал еще кошмарнее – он пожирал их мертвую плоть, и они сгнивали изнутри. Во время последней стычки с Сарреном я узнала, что он использовал Нью-Ковингтон всего лишь как тренировочную площадку, а его настоящие намерения были куда страшнее.

Он собирался убить всех. Людей и вампиров. Начать все с чистого листа, как он сказал мне, и дать миру наконец исцелиться. Когда он снова выпустит свой вирус, его будет уже не остановить.

В его планах был лишь один маленький просчет.

У нас было лекарство. Во всяком случае, *раньше* было. Сейчас оно находилось в Эдеме – крохотном оплоте надежды для остального мира. Оно-то и было нужно Саррену – он хотел либо уничтожить лекарство, либо обратить против нас. Он думал, что мы следуем за ним в Эдем, чтобы остановить его, чтобы не дать ему избавиться от лекарства и выпустить вирус. Он думал, что мы пытаемся спасти мир.

Он кое-чего не знал. Мне было плевать на Эдем. Мне было плевать на вирус, на лекарство, на всю вселенную. Мне было безразлично, смогут ли люди излечить бешенство, смогут ли они остановить новую эпидемию Саррена. Люди больше ничего для меня не значили. Они были пищей, а я была вампиром. Я прекратила притворяться, что я не чудовище.

Но я была твердо намерена убить Саррена.

Он должен был умереть за то, что сделал, за то, что уничтожил. Я собиралась разорвать его на куски, заставить его страдать. Той ночью в Нью-Ковингтоне, когда мы вступили в последний бой с безумным вампиром, нас было четверо. Той ночью я отсекала ему руку, и он скрылся во тьме – но вернулся для того, чтобы совершить свое самое отвратительное деяние. Нас было четверо: я, Шакал, Кэнин... и еще один. Но я больше не могла о нем думать. Его больше не было на свете. А я осталась чудовищем.

– Эй.

Шакал внезапно замедлил шаг и поравнялся со мной – я шла чуть позади темного, плотного силуэта Кэнина по дороге, что тянулась по замерзшим равнинам. Застава и ее убитые

обитатели остались далеко позади, и запах крови наконец-то растаял на ветру. Однако это не утихомирило Голод – я даже сейчас чувствовала эту нескончаемую пульсирующую боль, при малейшей провокации готовую разрастись в адское, дикое, злобное желание. Мой Голод злился даже на Шакала, на то, что тот не человек, что я не могу развернуться и вонзить клыки ему в горло. Шакал, к счастью для него, об этом не знал.

Я сделала вид, что не слышу, и продолжила глядеть прямо перед собой – я была не в настроении выслушивать отвратительные колющие остроты. Но это, конечно, на моего кровного брата никогда не действовало.

– Ну так что, сестра, – продолжил Шакал. – Я тут подумал. Когда мы наконец изловим Саррена, как ты думаешь, нам следует прикончить старого ублюдка? Я считаю, надо его мучить и калечить, пока будут силы. – Он прищелкнул пальцами. – Погоди-ка, может, нам привязать его так, чтобы половина тела была в тени, а половина на солнце, это всегда занимательно. Несколько лет назад я такое провернул с одним бессмертным уродом, который меня достал. Свет начал жечь его ноги, потом постепенно дополз до лица, и прошло порядочно времени, прежде чем он окочурился. Под конец он вопил, умоляя меня отрезать ему голову. – Шакал фыркнул. – Хотел бы я посмотреть, как Саррен будет так умирать. Если только это не нарушит твою тонкую душевную организацию.

Он ухмыльнулся, взгляд его золотистых глаз обжигал мне висок.

– Просто хотел предостеречь тебя, сестренка, на тот случай, если ты захочешь проявить сердобольность. Конечно, если у тебя есть какие-то предложения относительно того, как нам прикончить старого психопата, я с удовольствием выслушаю.

– Мне все равно, – сухо сказала я. – Делай что хочешь. Мне плевать, главное – чтобы я могла нанести последний удар.

Шакал фыркнул:

– Ну это как-то не весело.

Я не ответила, ускорила шаг, чтобы оторваться от него, но Шакал тут же пошел быстрее, чтобы не отставать.

– Брось, сестра, куда девалась та омерзительная высокая нравственность, которой ты тыкала мне в лицо каждые две секунды? Мне уже совсем не в радость тебя постоянно себять.

– Зачем ты со мной разговариваешь? – спросила я, все еще не глядя на него. Шакал испустил недовольный вздох.

– Потому что мне *скучно*. А старик особо меня вниманием не удостоивает. – Шакал кивнул на Кэнина, который все еще опережал нас на несколько ярдов. Я подозревала, что Кэнин нас слышит, но он не обернулся и не показал виду. А Шакалу, наверное, было все равно. – И еще я хочу узнать, что ты думаешь о нашем блистательно безумном серийном убийце. – Шакал нетерпеливо махнул на окружавшую нас долину. – До Эдема еще далеко, и у меня такое ощущение, что мы не найдем никаких кровавых мешков – живых, во всяком случае, – до самого Мясного острова. Мне не особо нравится идея сражаться с этим чокнутым, когда вы с Кэнином будете на грани отключки.

Я покосилась на него и нахмурилась:

– А ты-то сам?

– О, за меня не волнуйся, сестра, – усмехнулся Шакал. – Я всегда выхожу победителем, несмотря ни на что. Лишь хочу заметить, что эта бесючая тактика выжженной земли, к которой прибегает Саррен, значительно усложнит твоё положение. Еще пара дней в таком духе, и первый же человек, которого мы увидим, окажется разорван на куски – и разорвешь его ты.

Я пожала плечами. Слова Шакала меня не удивили – мне было абсолютно наплевать. Куда бы ни направился Саррен, в какой бы всеми забытый уголок страны он ни спрятался, я буду следовать за ним по пятам. Что бы он ни делал, как бы быстро и далеко ни бежал, я его настигну, и тогда он заплатит за то, что он сотворил.

– И что? – спросила я, снова глядя на дорогу. – Я вампир. Какая разница?

– Ой, я тебя умоляю. – В голосе Шакала я уловила жалость и отвращение. – Хватит уже этой фигни из серии «мне теперь все равно». Ты же понимаешь, что рано или поздно придется с этим разбираться.

Мои внутренности словно стиснула ледяная рука. Шакал говорил не о кормежке, и мы оба это знали. Нахлынули воспоминания – воспоминания о *нем*, – но тут же появилось чудовище и поглотило их прежде, чем я успела что-то почувствовать.

– Я уже разобралась, – спокойно сказала я.

– Нет, не разобралась. – Голос моего брата внезапно стал жестким. – Ты просто задвинула это куда подальше. И если ты не справишься с этим как можно скорее, все вылезет наружу в самый неподходящий момент. Возможно, когда мы будем драться с Сарреном. Потому что именно так устроены мозги у этого психопата – он просто знает, что и когда сказать, чтобы выбить нас из колеи и получить над нами полное преимущество. А потом либо он тебя прикончит, пока ты будешь в раздрае, и это меня выбесит, либо мне придется сделать это самому.

– Ты поосторожнее, Шакал. – Мой голос был холодным. И бездушным, потому что я ничего не чувствовала, даже сейчас. – У меня почти создалось впечатление, что тебе на меня не наплевать.

– Ой, да боже упаси, сестра. – Шакал усмехнулся и отодвинулся от меня. – Я тогда помолчу. Но если мы найдем Саррена и он скажет что-то такое, от чего ты рассыпешься на кусочки, не рассчитывай, что я буду эти кусочки собирать.

«Об этом не беспокойся, – подумала я, когда Шакал отошел, качая головой. В голове мелькнуло воспоминание, смутное, нечеткое, и мой внутренний демон прогнал его обратно на задворки сознания. – Во мне больше нечего ломать. Саррен не может сказать мне ничего такого, что меня заденет».

Мы прошли еще несколько миль по пустынным плоским равнинам, замерзшим под слоем снега и льда, пока звезды не померкли и восточный край неба не окрасился угрожающе-розовым. Мне уже становилось не по себе, но тут Кэнин свернул с дороги и направился к обветшалому серому сараю, притулившемуся на краю заросшего поля, рядом с ржавеющей силосной башней. Внутри дряхлое строение пахло плесенью и было завалено сломанными балками и горами прелой соломы. Но оно было темным, укромным, и в крыше не было дыр, сквозь которые внутрь могло бы прокрасться солнце. Не обращая внимания на жалобы Шакала – дескать, придется спать в грязном крысят-нике, – я распахнула сгнившую дверь стойла, нашла себе затененный уголок за охапкой вонючего сена и привалилась к стене, готовясь ко сну.

Всего на несколько мгновений снова ожили воспоминания – словно фрагменты чьей-то жизни выплыли из тьмы. Я увидела другой сарай, похожий на этот, теплый и затхлый, наполненный тихим блеянием скота и шепотом окружающих меня людей. Сено, свет фонарей и умиротворение. Пятнистый козленок у меня на коленях, двое человеческих детишек прижались ко мне по бокам, смотрят, как я его кормлю.

Чудовище пробудилось. Тогда я тоже была голодна и смотрела, как двое человеческих детенышей засыпают, обнажив передо мной свои маленькие беззащитные шейки, даже не подозревая, что свернулись клубочками рядом с вампиром. Я помню, как склонилась к горлу ребенка, прикорнувшего у меня на коленях, как удлинились и выскользнули из десен мои клыки... а потом я в ужасе пришла в себя. Я выбежала из сарая, чтобы не потерять контроль и не убить двух невинных детей во сне.

Чудовище усмехнулось этому воспоминанию. Казалось, это было давным-давно. Целую вечность назад. Теперь, когда Голод терзал мои внутренности и обжигал края сознания, я с тоской думала о спящих людях, таких беззащитных передо мной, воображала, как наклоняюсь ниже, до конца, и завершаю начатое.

Следующая ночь была такой же. Снова безлюдные равнины и пустоши. Снова снег без единого следа, скрипевший под нашими ботинками, и бесконечная дорога, змеившаяся на северо-восток. Снова Голод грыз меня изнутри, делая раздражительной и грубой. Я сосредоточилась на ходьбе, стараясь не обращать внимания на не желавшую уходить боль. Я чувствовала чудовище у себя внутри, опасно близко к поверхности – холодную, темную тварь, которая ворчала и беспокойно ворочалась в вечном поиске пищи. Она различала шуршание маленьких лап в темноте – еноты, опоссумы или еще какие-то ночные создания пробирались сквозь кусты. Она слышала, как порхают над нашими головами летучие мыши, ощущала тихое дыхание оленей, скучившихся в подлеске. Она хотела броситься в атаку, накинуться на какое-нибудь живое существо и вскрыть ему вены, чтобы горячая кровь хлынула на снег и в наши глотки. Но она знала, как знала и я, что тратить силы, убивая животных, – бесполезный труд. Это не удовлетворяет Голод. Лишь одна разновидность добычи заполнит зияющую пустоту внутри, и этой добычи нигде не было.

Так что мы шли, Кэнин впереди, мы с Шакалом – за ним. Три вампира, которым не нужен был отдых, которые никогда не мерзли, не уставали и не задыхались, пробирались через опустошенный мир, в котором большинство людей не смогли бы выжить. Собственно, большинство людей в нем и не выжило. И Саррен был твердо намерен уничтожить человечество окончательно.

Внезапно Кэнин развернулся и посмотрел на нас, его лицо было озабоченным. Я тоже замерла – с удивлением и некоторой опаской. После Нью-Ковингтона мы особо не разговаривали. Вампир-Мастер все шел и шел вперед, безмолвный и холодный, не оглядываясь на своих отпрысков. Меня это устраивало. Мне и самой нечего было ему сказать. Между нами встала стена. Я чувствовала его разочарование, замечала его взгляд всякий раз, когда Шакал отпускал какое-нибудь злобное, уничижительное замечание о людях и кровавых мешках... а я ничего не отвечала. Даже молчаливое неодобрение Кэнина не могло изменить того факта, что я была чудовищем.

– Кто-то едет, – сказал Кэнин, глядя на дорогу позади нас.

Я тоже обернулась, прислушалась, но нужды в том не было. Рев двигателя прорезал темноту и уверенно приближался.

Голод пробудился, и чудовище во мне нетерпеливо заворочалось, готовясь вырваться наружу. Машины означали людей, а люди означали еду. Я представила, как вонзаю зубы в их шеи, как горячая кровь наполняет мой рот, и почувствовала, как удлиняются клыки, а из горла вырывается жадный рык.

– Прячьтесь, – сказал Кэнин, проходя мимо меня. Я дерзко оскалилась на него, но господин уже повернулся ко мне спиной и ничего не заметил. – Уйдите с дороги, оба, – продолжил Кэнин, а шум двигателя меж тем становился все громче, сквозь деревья блеснули огни фар. – Никто не рискнет остановиться, встретив трех незнакомцев ночью на пустынной дороге. Лучше пусть они увидят одинокого невооруженного путника, а не всех нас. – Его голос стал жестче. – Уйди с дороги, Эллисон.

Шакал уже шагнул на обочину и растаял в темноте. Кэнин даже не смотрел на меня, его вниманием завладели приближающиеся огни. Рыкнув, я сошла с дороги и скользнула за ствол огромного изгибистого дерева. Я ждала, Голод терзал меня изнутри, а демон наблюдал за происходящим с еле сдерживаемой жадной силой.

Огни становились все ярче, и вот из-за поворота появился некогда белый фургон – теперь в нем было больше ржавчины, чем металла. Кэнин шагнул вперед, взмахнул поднятыми руками – машина неслась вперед, купая его в свете фар.

Она не сбавила ход. Она помчалась прямо на Кэнина, набрала скорость, и из пассажирского окна высунул голову сурового вида человек. Ухмыльнувшись, он поднял тусклый черный пистолет, целясь в незнакомца на дороге.

Прогремело несколько выстрелов, темноту пронзили белые вспышки – Кэнин отскочил назад. Под улюлюканье и грубый смех фургон пролетел мимо, и тут мое внутреннее чудовище с ревом вырвалось наружу.

Выхватив из ножен катану, я выскочила из своего укрытия, как раз когда фургон подъезжал ко мне. Когда он проносился мимо, я бросилась вперед, целясь в шину переднего колеса, прорезала резину и металл – раздался пронзительный металлический звук, полетели искры. Фургон бешено завиял, заскрежетал по асфальту и врезался в дерево.

Я бросилась к нему, ослепительный Голод жидким огнем струился по венам, в голове злобно вопило чудовище. Водитель и человек с пассажирского сиденья лежали в осколках ветрового стекла, окровавленные и неподвижные, но тут распахнулась боковая дверь, и из нее выскочили еще двое, оба с ружьями – и притом большими. Первый, увидев, что я направляюсь к нему, неверным движением поднял свое оружие. Сверкнул мой меч, и человек закричал, а ружье упало на асфальт вместе со стискивающими его руками. Второй в ужасе выругался и попытался убежать. Он успел добраться лишь до опушки леса – я набросилась сзади и вонзила клыки ему в шею.

Рот наполнился горячей, пьянящей кровью. Зарывав от наслаждения, я растворилась в этом ощущении; человек в моих руках обмяк. Почему я раньше смущалась этого? Я уже не помнила.

– Ну просто великолепно. Было четыре человека. Теперь двое мертвы, и еще у одного кровь хлещет, как из прохудившегося шланга. – Холодный сердитый голос нарушил мой экстаз.

Я подняла голову – теплая кровь стекала по подбородку – и увидела Кэнина и Шакала, стоящих у смятых останков фургона. Кэнин рассматривал безрукого – тот почти лишился рассудка, извивался на асфальте, стона и всхлипывая, но Шакал смотрел на меня – со смесью насмешки и отвращения.

– Нет-нет, обо мне не беспокойся, – заметил он. – Не стесняйся, ешь своего кровавого мешка. Я все равно не так уж голоден.

Я слотнула, втягивая клыки, и почувствовала слабый укол вины. Кэнин и Шакал тоже были голодны, а я заграбастала единственный годный источник пищи. Вампиры не кормятся от трупов, даже от совсем свежих. Пить кровь трупа – все равно что пить кровь животного, это не удовлетворяет Голод. Не говоря уже о том, что большинство вампиров находят это омерзительным. Добыча должна быть человеком, и она должна быть жива, это один из древних загадочных вампирских законов. Один из тех законов, которые просто не положено обсуждать.

Развернувшись, я вытащила свою жертву на дорогу, к Шакалу, наблюдавшему за мной с недовольным любопытством.

– Держи, – сказала я и толкнула человека к нему. Мужчина безвольно распластался на асфальте. – Этот вроде еще дышит. Я уже наелась.

Шакал скривил губы.

– Мне не нужны твои объедки, сестра, – сказал он надменно.

Я улыбнулась в ответ:

– Хорошо. Тогда я могу с ним закончить?

Шакал бросил на меня убийственный взгляд, шагнул к человеку и рывком поднял его на ноги. Голова у мужчины вяло откинулась назад, шея была вся в крови, и Шакал вонзил клыки с другой стороны его горла. Я посмотрела в сторону фургона – там Кэнин осторожно устраивал на асфальте безжизненно обмякшего безрукого. Кровь из его обрубков больше не шла, кожа побледнела. Интересно, сколько Кэнин смог из него вытянуть, прежде чем тот умер? Скорее всего, немного, но даже это лучше, чем ничего. Надо было отрезать ему только одну руку. Или, может, ступню. Чтобы не убежал.

Где-то в глубине души я содрогнулась, ужаснувшись себе и своим мыслям. Прежняя часть меня, та Эллисон, в которой еще оставалось что-то человеческое, вопила внутри меня, что это неправильно, что я не должна быть такой.

Но ее голос был слабым, еле различимым. Я поежилась, и чудовище похоронило этот голос под холодным безразличием. Слишком поздно, подумала я, чувствуя, как мое нутро снова охватывает блаженное онемение. Я знала, кто я. Сочувствие, сострадание, сожаление – всему этому нет места в жизни вампира. Прежняя Эллисон была упрямой, она ушла далеко не сразу, но теперь я слышала ее голос все реже и реже. Когда-нибудь он вовсе исчезнет.

Вновь обретя вампирское равнодушие, я бросила взгляд на своего господина. Кэнин отошел от мертвого человека и теперь всматривался в темный салон фургона. По лицу его пробежала тень боли, но потом черты снова разгладились. Мне стало любопытно, я подошла и заглянула внутрь машины.

В фургоне было еще одно тело. Молодая женщина, лишь на пару лет старше меня, в запачканной белой рубашке. Ее руки были связаны спереди, она лежала, привалившись к стенке фургона, и шея ее была вывернута под неестественным углом. Кудрявые золотистые волосы падали ей на лицо, а остекленевшие голубые глаза смотрели в пустоту. *О нет. Это была невинная пленница. И все из-за меня.*

На мгновение мне стало дурно. Казалось, глаза мертвой девушки буравят меня с немим обвинением. Я убила ее. Пусть я не вскрыла ей горло и не отрезала ей голову – она все равно погибла из-за меня.

Я чувствовала спиной мрачный взгляд Кэнина. Позади раздался скрип шагов по неглубокому снегу – Шакал подошел и заглянул мне через плечо.

– М-да, – заметил он таким тоном, словно разглядывал мертвую птицу на тротуаре. – Что ж, теперь понятно, почему эти ублюдки так торопились. Жалко, что она не выжила, – у меня все еще немного урчит в желудке. – Шакал хмыкнул, и я почувствовала на себе его взгляд, суровый и укоризненный. – Того человека, которым ты столь щедро со мной поделилась, едва хватило, чтобы ослабить Голод.

– Я не знала, что она там, – пробормотала я, не оборачиваясь. Я сама не знала, кому это говорю – Кэнину, Шакалу или самой себе. – Я не знала...

Но это было так себе оправдание. Я знала это, и Кэнин это знал. Он ничего не сказал, лишь развернулся и пошел прочь, но, как всегда, его молчание было красноречивее тысячи слов.

– Ну что ж, – пожал плечами Шакал. – Теперь уже ничего не поделаешь. Еще одно напоминание о том, какие же эти куски мяса хрупкие. Просто посмотришь на них не так – и их чертовы шеи уже ломаются. – Он покосился на меня и усмехнулся: – Ой, не грызи себя так, сестра. Ей и жить-то уже не стоило, если подумать, куда ее везли. Поверь, ты оказала этой человечешке услугу.

Я снова посмотрела на девушку и почувствовала, как чудовище подбирается ближе – холодное, практичное, – погребая под собой вину. «Какая разница? – шептало оно. – Ну вот, ты убила еще одного человека. Не первого и не последнего. Они добыча, а ты вампир. Убийства – наша суть».

– Ну да. – Я со вздохом отвернулась от фургона, от девушки и от ее пустых обвиняющих глаз.

Шакал был прав – уже ничего не поделаешь. Девушка ничего не значила – еще одна смерть в вечном, бесконечном списке. Кэнин уже снова шел по дороге, и мы поспешили за ним, оставив позади фургон, убитых пассажиров и еще одну частицу моей человечности.

Глава 2

Три ночи спустя мы нашли лежащее на дороге тело.

Или, точнее, разбросанное по дороге. От несчастного существа, распластавшегося в темном пятне на снегу, не осталось почти ничего, кроме обглоданных переломанных костей. Похоже, его в буквальном смысле разодрали на части и оставили разлагаться на асфальте. Мы наткнулись на еще один мертвый город – дорога шла меж рядов заросших растениями гниющих зданий с провалившимися крышами и разбитыми окнами. На углу стояла старая детская площадка: на качелях лежал сугроб, погнутая и перекрученная ржавая горка валялась на земле. Здесь было пусто, как и везде вокруг.

– Саррен? – спросила я, разглядывая обломки скелета со смесью недовольства и апатии. Это был не человек, так что еда не пропала даром, жалеть было не о чем. Но Голод все равно бесился из-за обильно пролитой крови, требуя насыщения. Теперь даже последствия насилия доводили моего внутреннего демона до безумия. Хоть бы он заткнулся.

Кэнин покачал головой.

– Нет, – прошептал он. – Саррен не стал бы утруждать себя убийством животного. Разве только чтобы оставить сообщение. К тому же останки слишком свежие. Это случилось сегодня.

– Бешеные, – догадалась я, и Кэнин мрачно кивнул. – Мы можем избежать встречи с ними?

– Можно попытаться, – ответил он, и Шакал фыркнул. – Но отклоняться от этого пути мы не можем. Мы должны добраться до Эдема как можно скорее – если не раньше Саррена, то хотя бы вовремя, чтобы помешать ему применить свой вирус. – Взгляд Кэнина обратился к горизонту. – Боюсь, что, возможно, мы уже опоздали.

Я почувствовала легкое беспокойство. В Эдеме жили те, кого я знала. Те, ради кого я рискнула всем – лишь бы доставить их в этот свободный от вампиров заповедник. Калев, Бетани, Сайлас и Тереза. Что, если Саррен добрался до них раньше меня и выпустил свой ужасный вирус? Что, если, дойдя наконец до Эдема, я увижу, что все, кого я знала, мертвы? Или еще хуже – заражены, истекают кровью и разрывают себя на куски? Я вспомнила жизнерадостного Калеба, тихую крошку Бетани и добрую, терпеливую Терезу. Они ни о чем не подозревают. Они думают, что в Эдеме они в безопасности, а меж тем прямо к ним направляется маньяк с чудовищной болезнью.

Я вздрогнула, и тьма поднялась из глубины моей души, защищая меня. Если Саррен добрался до Эдема раньше нас, эти люди погибли. Я уже ничего не могу для них сделать, и их защита больше не моя забота. Они не имеют значения. Мне нужно лишь найти моего врага и порвать его в клочки.

Я ощутила на себе тяжелый взгляд Кэнина, мрачный, испытующий. Он как будто знал, о чем я думаю, – он всегда знал. Я посмотрела ему в глаза – на Кэнина без малейшего сожаления глянуло чудовище. Не так давно от такого взгляда я бы съежилась, ошетинилась, постаралась стать лучше. Теперь у меня не было никакого желания беспокоиться даже о том, что обо мне думает Кэнин.

Впрочем, он ничего не сказал. Лишь развернулся и тяжелой поступью двинулся на северо-восток. И мы продолжили наш путь.

Снова пошел снег – крупные белые хлопья неторопливо падали с черного неба, оседая на моей голове и на плечах. Дорога все шла между рассыпающихся строений, выпотрошенных магазинов и заправок и ржавых остовов старых машин. Деревья-скелеты пробивались сквозь тротуары и крыши домов, их ветки были голыми и холодными, их корни дробили камень, доски и бетон – природа медленно поглощала город. Возможно, еще через шестьдесят лет он исчезнет

совсем. Возможно, еще через шестьдесят лет нигде не останется даже следов человеческой цивилизации.

Мы пробрались сквозь лабиринт из древних, запорошенных снегом автомобилей – некоторые из них врезались друг в друга – и вышли на перекресток.

Кэнин остановился посреди дороги и внезапно выхватил свой кинжал. Тонкое смертоносное лезвие сверкнуло в темноте, и вампир застыл. Мы с Шакалом тоже замерли на месте.

– Они идут, – тихо сказал Кэнин.

Мы без промедления вытащили свое оружие и встали рядом с ним. Бывший король мародеров достал из складок плаща стальной пожарный топор с потемневшим от крови лезвием и плавно крутанул им в воздухе. Я вытянула из ножен свою катану, подняла изогнутое, острое, как бритва, лезвие перед собой и прислушалась.

Шаги. Звук множества шаркающих по снегу шагов. Со всех сторон перекрестка. Сквозь море машин я видела движение, замечала бледные иссохшие фигуры, снующие между автомобилями. Воздух наполнился воем и сирым шипением, скрежет когтей по металлу эхом отдавался в ночи, а ветер принес отвратительную мертвую вонь.

– Как раз вовремя, – проворчал Шакал, взмахивая топором, обнажая клыки в яростной усмешке. Его голос разнесся в темноте странным эхом, и вой вокруг стал громче. – Идите сюда, поганцы. Я как никогда готов оторвать кому-нибудь голову.

Словно в ответ на его слова тварь вскочила на крышу машины рядом с ним. Она смутно напоминала человека – волосы были всклокочены, бледная кожа туго обтягивала тощее тело – и воняла смертью. Сверкнули безумные белые глаза без радужек и зрачков, и, обнажив кривые клыки, бешеный с завыванием бросился на нас.

Он напоролся на топор Шакала – крутанувшись, вампир впечатал противника головой в дверь машины, посыпалось стекло, раздался глухой звук удара тела о металл. Темная кровь забрызгала автомобиль, и бешеный упал в снег с проломленным черепом. Шакал задрал голову и взревел, злобно и вызывающе, и тут же целая орда бледных вопящих тварей полезла на нас через крыши и капоты. Мое внутреннее чудовище взвыло в ответ, радуясь приключению, и я дала ему волю.

Бешеный прыгнул на меня, стремясь достать когтями. Как только он приземлился, я взмахнула катаной и рассекла тощее тело пополам – хлынула черная кровь. Другой бешеный выскочил из-за капота фургона – я повернулась к нему и ударом меча снесла голову с плеч. Черепушка подкатилась к моим ногам, и тут меня наполнил дикий восторг, я, скалясь, запрыгнула на крышу фургона, готовясь встречать мчащуюся на меня завывающую орду. Бешеные выпрыгивали из-за автомобилей и пытались ухватить меня за ноги, забраться ко мне, утянуть вниз. Я кружилась по металлу, почти танцуя, перепрыгивала с крыши на крышу и рассекала чудовищ, которые следовали за мной, отрубала тянущиеся ко мне руки.

Внизу Шакал и Кэнин сражались бок о бок – несмотря на свои разногласия, они составляли смертоносный дуэт. Пожарный топор Шакала рассекал воздух и обрушивался на бешеных с оглушительной силой, крушил черепа, впечатывал тварей в машины и в асфальт. Тонкий блестящий кинжал Кэнина был едва виден – он грациозно двигался среди мечущихся чудовищ, с хирургической точностью вспарывая глотки и отсекая головы. Моя помощь этим двоим не требовалась, оба справлялись отлично.

На долю секунды я отвлеклась на Кэнина и Шакала – и на крышу автомобиля рядом вскочил бешеный и замахнулся на меня. Я отпрянула, вскинула меч, чтобы разрубить его, но тут по лицу разлилась обжигающая боль – когти вспороли мою щеку.

Мир стал красным. С воплем я бросилась в самую гущу толпы и принялась махать катаной направо и налево. Отрубленные головы и конечности летели во все стороны, пока я пробиравась сквозь орду. Мой демон кайфовал от хаоса и разрушения, радостно завывал, видя очередное упавшее тело, разукрашивал снег и машины вокруг темной кровью.

На меня упала тень, и земля содрогнулась от рева. Обернувшись, я увидела громадного бешеного, больше шести футов ростом – он заполнил все поле моего зрения, а потом огромная когтистая рука ударила меня сбоку по голове – взрыв боли. Я впечаталась в машину, зазвенело разбитое

стекло, а возвышающийся над остальными бешеными гигант взревел и вновь бросился на меня.

Я нырнула вбок, и тварь ударила по автомобилю, когти заскребли по металлу, оставляя длинные борозды. Несмотря на чудовищные размеры, в моем противнике было больше костей, чем плоти. Ниже резко выступающих под бледной кожей ребер зияла впадина живота – казалось, желудок прилип к позвоночнику. Но плечи у бешеного были широкие и крепкие, деформированные руки свисали ниже колен, пальцы оканчивались серповидными когтями. Тварь с воплем прыгнула на меня, и я откатилась в сторону, вскочила на ноги и рубанула врага по животу. Катана сломала несколько ребер, и бешеный с воем завертелся на месте.

Кровь заливала мне глаза, не давая видеть. Я моргнула, тряхнула головой, стараясь сосредоточиться. Бешеный взревел и протянул ко мне свои длинные руки – я встретила противника мечом, обрушив его на предплечье твари. Клинок глубоко вонзился в жилистую конечность, но сила удара все равно отбросила меня в сторону, и я распласталась в снегу. Тварь была мощной – если я хочу прикончить ее, нужно попасть в жизненно важное место.

Не выпуская из руки оружие, я поднялась на четвереньки. Но прежде чем я успела встать, меня схватили за шею, подняли в воздух и с невероятной силой швырнули на асфальт. Я почувствовала, как сломался нос, как треснула челюсть, в глазах потемнело от боли. Тварь еще три раза приложила меня об землю – с каждым ударом кости хрустели и крошились, – а потом развернулась и швырнула меня на капот машины. Снова зазвенело, впиваясь в мое тело, стекло, и к пульсирующей в голове мучительной боли добавилась новая. Бешеный издал победный клич, наклонился ко мне, и тут мое полубоморочное состояние внезапно обратилось всепоглощающей яростью.

Не обращая внимания на боль, я схватила упавшую катану и взревела, вызывая нависшего надо мной гиганта на бой. Он обрушил на меня огромный кулак, но я увернулась, и кулак впечатался в металл, оставив глубокую дыру. Оскалившись, я кинулась на врага и, оттолкнувшись от его локтя, ударила мечом со всей силы. Лезвие разрубило ключицу и прошло сквозь тело, рассекло бешеного от шеи до живота.

Огромная тварь пошатнулась, половинки ее тела разошлись, и она медленно осела на асфальт, дернулась и застыла. Обнажив клыки, подняв меч, я огляделась в поисках нового противника, но не увидела в ночной темноте никакого движения. Орда исчезла, от нее остались лишь разбросанные повсюду, наполняющие воздух кровавой вонью части тел. Я была одна. И мне было больно. Везде – снаружи и изнутри. Мне требовалась пища, кровь. Мне требовалось поохотиться, но добычи тут не было. Боль становилась глуше, я знала, что исцеляюсь, но теперь я была голодна. *Так голодна...*

– Что ж, сестренка, досадно признавать, но это было почти впечатляюще.

Позади меня раздался презрительный, насмешливый голос. Голод взревел, и я обернулась, оскалив зубы. В нескольких шагах от меня стоял другой вампир, от него пахло кровью и силой, а его желтые глаза расширились от удивления. Он был старше меня и, возможно, мощнее, но когда это меня останавливало? Мои губы изогнулись в гримасе, я двинулась к нему, подняв меч.

– Сестра. – Вампир предупреждающе поднял руки, в одной из которых был обагренный кровью топор. – Не глупи.

Соберись. Не заставляй меня размазывать твои мозги по асфальту.

Его голос звучал как-то странно, почти знакомо. Я его знаю? Я застыла в растерянности, но изнутри поднималась, поглощая меня, пылающая боль. Я встала напротив вампира и зашипела – это было приглашение и вызов. К моему удивлению, он на него не ответил.

– Эллисон.

Еще один силуэт возник в лабиринте машин и двинулся ко мне. Я отпрянула, чувствуя невероятную мощь, исходящую от темной фигуры. Первый вампир меня больше не интересовал. Этот был гораздо старше и гораздо, гораздо сильнее нас обоих.

– Один из поганцев хорошо над ней поработал, – услышала я голос первого вампира, не понимая, о чем он. – Она на грани безумия. Не узнаёт нас.

Древний вампир посмотрел на меня, его темные глаза впились в мои, и меня пронзил страх. Я не могла с ним драться – он порвет меня в клочья. Оскалившись, я отступила назад, собираясь спрятаться в сумраке, укрыться от его ужасающего присутствия.

– Эллисон, стой. – Тихий властный голос Мастера проник в меня, заставил застыть на месте. – Посмотри на меня, – продолжил он, и мне не осталось ничего, кроме как повиноваться. – Успокой свой разум, – прошептал он, и его слова смягчили бурление хаоса и тьмы внутри меня. – Ты знаешь, кто я. Ты знаешь, кто ты. – Его голос струился сквозь меня, становясь все более знакомым, и бешенство начало спадать. – Вспомни, – продолжал вампир-Мастер, не сводя с меня взгляда. – Вспомни о своей миссии. – Его голос сделался жестким, строгим, настойчивым. – Тебе нельзя отдаваться безумию. Я этого не позволю. Кто я?

Память наконец вернулась. Закрыв глаза, я прислонилась к капоту автомобиля, склонила голову.

– Кэнин, – прошептала я, и все стало как прежде.

Я чувствовала, как клыки давят на губу, чувствовала кровь на щеке – след от когтей бешеного – и внутренние повреждения. Голод вспыхнул во мне, мучительный, требовательный, но я снова загнала его во тьму.

Заскрипели шаги по снегу – Кэнин подошел ко мне, смерил взглядом. Меня охватил горячий отчаянный стыд. Я потеряла контроль над собой. То, чего я пообещала больше никогда не допускать, почти случилось. Я была в одном шаге от кровавого безумия, от того, чтобы лишиться от Голода рассудка и начать бросаться на все, что движется.

Нет, Эллисон. Не лги себе. От осознания правды я похолодела. *Ты не поддавалась демону – в этот раз ты сама призвала его. Ты сдалась по собственной воле. И Кэнин это знает.*

– Насколько сильно ты ранена? – Голос господина звучал мрачно, укоризненно.

Я стиснула кулаки, заглушила в себе стыд и остатки Голода и поднялась ему навстречу:

– Жить буду.

Я смахнула кровь с катаны, затем спокойно убрала ее в ножны, стараясь, чтобы голос звучал невозмутимо. Я не желала ощущать себя виноватой, не желала, чтобы Кэнин стыдил меня за то, что я почти сделала. Меня серьезно ранили, а Кровавое безумие – неотъемлемая часть вампирской жизни. Рано или поздно мы все теряем контроль.

– Я проявила беспечность, – пробормотала я, отворачиваясь от господина и глядя на стоящего на обочине дороги Шакала. На него смотреть было легче, чем на Кэнина, – кровный брат ухмылялся мне, скрестив руки на груди, но вынести это было легче, чем разочарование в глазах Мастера. – Этого больше не повторится.

– Это повторится, – сказал Кэнин и, пройдя мимо меня, двинулся по дороге, но теперь – в другом направлении. Я удивленно моргнула:

– Куда мы идем?

– Мы отклоняемся от маршрута, – невозмутимо проговорил Кэнин. – Саррену придется подождать. Нам необходимо поохотиться, прежде чем кто-то из нас впадет в Кровавое безумие.

Я догадалась, что под «кем-то» подразумеваюсь я.

– Нет, – рыкнула я и поспешила за господином – тот обернулся. – Кэнин, я в порядке. Нам не надо охотиться.

– Эллисон, – прищурился Кэнин. – Из нас троих ты ближе всех к срыву. Ты не прилагаешь усилий, чтобы себя контролировать, и твое чудовище уже готово вырваться наружу. Это состояние опасно для нас всех. В данный момент я не уверен, что ты сможешь совладать с собой в присутствии людей. И еще меньше я уверен, что ты хотя бы попытаешься.

Не сдержанное неодобрение в его голосе задело меня, а печаль, сожаление. Как будто это Кэнин потерпел неудачу. Как будто раньше он гордился мной, но теперь сомневался: стоило ли приводить меня в этот мир, делать меня вампиром?

И внезапно я разозлилась. Разозлилась из-за того, что Кэнин мог заставить меня стыдиться моей – я знала это – истинной природы. Разозлилась из-за того, что, как бы я ни убеждала себя в обратном, как бы ни старалась отрицать это, я хотела, чтобы он мною гордился. Разозлилась из-за того, что он ожидал от меня большего, установил какую-то нелепую планку, которой я никак не могла достигнуть.

Я подняла голову и смерила его взглядом.

– Может, я и не буду пытаться, – беспечно сказала я. – Тебе-то какая печаль?

По невозмутимому лицу Кэнина пробежала тень боли, но затем оно вновь стало спокойно-отчужденным.

– Я не этому тебя учил, Эллисон, – сказал он тоном, которым говорил только со мной. – Ты сильнее этого.

Я пожала плечами:

– Может, я поняла, что это бесполезно, и не хочу всю оставшуюся вечность сражаться с собственной натурой. Может, я поняла, что Шакал был с самого начала прав.

– Нет. – Голос Кэнина вдруг зазвучал жестко, пугающе. – Ты просто используешь своего демона, чтобы прятаться от своих подлинных чувств. Потому что боишься их значения, боишься, что они причинят тебе боль. Быть чудовищем гораздо проще, чем смотреть в глаза правде.

Я оскалилась, обнажив клыки.

– И что? – спросила я, ожидая, что Кэнин как-то среагирует, выкажет какое-то чувство, но он даже бровью не повел. – Я пыталась, Кэнин. Я правда пыталась. Но знаешь, что я выяснила? – Я криво усмехнулась. – Мы *и впрямь* чудовища. Как бы я этому ни сопротивлялась, я всегда буду хотеть охотиться, убивать и уничтожать. Ты *сам* меня этому учил, помнишь? То, что у меня было с... – От одной мысли о его имени мой разум взбунтовался. – С тем человеком, это было глупо и неправильно, и в конце концов я бы его убила. Это... к лучшему... что он погиб. – Я еле выдавливала из себя слова, но заставляла себя продолжать, заставляла себя верить в то, что я говорю. – Его бы просто использовали против меня. Теперь меня ничего не удерживает.

– Хорошо. – Голос Кэнина казался безжизненным. – Тогда в следующий раз, когда ты окажешься на грани, я не буду тебя вытягивать. Но предупреждаю тебя, Эллисон, – он пронзил меня взглядом, – есть разница между тем, чтобы убивать в муках Голода или в Кровавом безумии, и тем, чтобы отдалиться чудовищу. Если ты падешь, если по собственной воле пересечешь эту черту, то изменишься. Навеки.

Мы стояли, уставившись друг на друга, – два монстра схлестнулись в поединке меж сбившихся в кучи машин и мертвых бешеных, а вокруг тихо падал снег. Взгляд у Кэнина был ледяной, но я не чувствовала в нем гнева – лишь усталое принятие, сожаление и едва уловимую печаль. Он все понимает – дошло до меня. Он лучше прочих знает, как велик соблазн чудовища, как тяжело сопротивляться своей природе. Ему было горько, что демон забрал у него еще одного вампира, но он все понимает. Я задумалась: случилось ли Кэнину в его долгой-долгой жизни самому погружаться во мрак? И возможно ли сопротивляться бесконечно?

Я решила, что мне все равно. Пусть Кэнин делает и думает что ему хочется – я все равно чудовище, и ничто этого не изменит.

– Ну, в общем, так. – Нетерпеливый голос Шакала ворвался в наше холодное противостояние. – Жаль прерывать эту захватывающую семейную драму, но мы сейчас пойдем охотиться – или вы собираетесь плясать друг на друга, пока солнце не взойдет?

Мы двинулись по дороге на север, прочь от Эдема и от Саррена. Я не хотела откладывать преследование, давать нашей добыче шанс уйти дальше. Но Кэнин настоял, а когда Кэнин настаивал, ничего не оставалось. Остаток ночи мы шли сквозь леса, долины и надежно погребенные под снегом и растительностью руины цивилизации.

Кэнин не обращал на меня внимания, бесшумно шагал впереди, не оборачиваясь. Не то чтобы в другие ночи он вел себя как-то иначе, но сейчас от него веяло ледяной отчужденностью. Похоже, он махнул на меня рукой. Я сказала себе, что мне плевать. Идеалы Кэнина больше не мои идеалы. И он ошибался насчет меня. Я не пыталась ни скрыть боль, оставшуюся с той нью-ковингтонской ночи, ни использовать чудовище, чтобы защититься от страданий. Я просто приняла свою сущность. Что и надо было сделать с самого начала.

– Ну так что, сестра, – наконец сказал Шакал со своей вечной ухмылкой, пристраиваясь рядом. – Похоже, мы теперь в одной лодке. Каково это – стать одной из множества неудач Кэнина?

– Заткнись, Шакал, – ответила я большей частью по привычке. Я знала, что он не заткнется.

– Ой, да все не так уж плохо, – продолжил Шакал, кивнув на Кэнина. – Теперь тебе больше не придется выслушивать его бесконечные поучения об этих дурацких кровавых мешках и необходимости «держат чудовище под контролем». Через пару месяцев это начинает реально утомлять. – Он зловеще усмехнулся. – Тут, на дне, куда ты свалилась с нелепых высот его ожиданий, легче, верно, сестра? Можно наконец начать жить нормальной вампирской жизнью.

– А в этом есть смысл?

– Вообще-то есть. – Усмешка пропала с его лица, и на секунду Шакал почти приобрел серьезный вид. – Я хотел бы знать, что ты собираешься делать после того, как мы изловим Саррена и выбьем из него все дерьмо, – сказал он. – Не думаю, что теперь, когда ты наконец приняла тот факт, что тебе нравится вкус крови, старик будет готов и дальше терпеть наше общество – ему такое не по душе.

Куда ты пойдешь, когда все закончится? Если выживешь, конечно. И если наш дорогой господин не решит прикончить нас «во имя вселенского блага».

– Не знаю, – ответила я, проигнорировав последнюю фразу. Я не думала, что Кэнин попытается меня убить, но... когда-то давно он пытался оборвать жизнь Шакала. Неужели я пала так низко, что для Кэнина я не лучше Шакала – очередная ошибка, которую не следовало приводить в этот мир? – Я не знаю, куда я пойду потом, – повторила я, глядя на деревья. Я не могла оставаться в одном месте – только не среди людей, которые будут меня ненавидеть и бояться и которых я буду систематически убивать одного за другим, чтобы прокормиться. Возможно, я буду вечно бродяжничать. – Думаю, это неважно.

– Что ж, у меня есть предложение, – проговорил Шакал, и в его голосе я заметила отзвук усмешки. – Пойдем со мной в Старый Чикаго.

Я бросила на него удивленный взгляд. Похоже, Шакал предлагал это мне совершенно серьезно.

– С чего бы? – настороженно спросила я. – Щедростью ты никогда не отличался.

– Сестра, ты знаешь, что у тебя очень избирательная память? – покачал головой Шакал. – Что я тебе твердил все это время? Я уже предлагал тебе это раньше, по сути, несколько раз, но

ты была слишком заиклена на своих драгоценных кровавых мешках и даже слышать о моем предложении не желала. Верно, я не потерплю в своем городе других кровососов, но ты не какая-то обычная бродячая вампирша-дворяжка. Ты мне родная. – Он расплылся в широкой улыбке, показав кончики клыков. – И вдвоем мы могли бы натворить великих дел. Подумай об этом.

Все еще с опаской я спросила:

– И что же это за «великие дела»?

Шакал хохотнул.

– Для начала, – сказал он, – заполучив эдемское лекарство, мы могли бы начать сколачивать вампирскую армию, о которой я тебе уже говорил. Мы могли бы занять собственный вампирский город, и остальные государи склонились бы перед нами. Мы могли бы править миром, ты и я. Что скажешь?

– И ты бы просто так поделился со мной властью? – Я скептически глянула на Шакала. – Что тебе помешает ударить меня в спину после первой же ссоры?

– Вот сейчас обидно было, сестра. – Шакал скорчил гримасу. – Ты меня каким-то дураком выставляешь. Тебе мало того, что я хочу поближе познакомиться со своей дорогой сестренкой, своей единственной живой родственницей помимо Кэнина?

– Мало, – ответила я еще более настороженно.

Я смерила Шакала пристальным взглядом, а он в ответ улыбнулся подозрительно невинной улыбкой.

– Не надо толкать мне всякую фигню про семью и кровные узы. Ты бы бросил нас на растерзание бешеным, если бы решил, что это тебе будет выгодно, ты сам так говорил. – Шакал фыркнул, но отрицать ничего не стал, и я прищурилась: – Зачем я тебе на самом деле?

– Затем, моя тупоголовая сестрица, – вздохнул Шакал, – что я тебе доверяю.

От неожиданности я едва не споткнулась. Не веря своим ушам, я уставилась на Шакала, а он посмотрел на меня в ответ. Вид у него был такой, словно ему требовалось побыстрее разобраться с крайне неприятным делом.

– Потому что я знаю, что ты, по крайней мере, не обратишься против меня, если подвернется что-то получше, – выдавил он из себя. – Потому что тебе присуща эта отвратительная верность, из-за которой ты постоянно попадаешь в неприятности. И еще потому что ты недурственно дерешься. – Его лицо выражало что-то среднее между надменностью и жалостью. – Думаю, я буду практичным, рассудительным умником, а ты – хорошенькой гиперэмоциональной сорвиголовой, и из нас двоих выйдет идеальная команда.

– Так ты хочешь заполучить меня на свою сторону потому, что я умею сражаться, и потому, что не пойду против тебя. – Мой голос горьким эхом отдался у меня в голове. – Весьма любезное предложение с твоей стороны. И не могу не отметить, что *ты* мне никаких гарантий верности не предоставляешь.

Шакал пожал плечами.

– Смотри на это так, сестра, – сказал он, его устремленные на меня золотистые глаза, казалось, видели слишком много, – ты хотя бы не будешь одна.

От этих слов я содрогнулась. *Одна*. Я снова буду одна. Когда все это закончится, даже если мы победим Саррена, я вернусь к тому, с чего начала той ночью, когда мы с Кэнином бежали из Нью-Ковингтона и разделились. Вернуться в город я не могла, но и что делать дальше – не представляла. Без господина, без друзей и без цели я бессмысленно блуждала по пустому безжалостному миру, не зная, что делать и куда направиться. Я даже не понимала, насколько я одинока, пока не наткнулась на кучку пилигримов, ищущих мифический рай. Так у меня появились цель и смысл существования. Я пожертвовала всем, чтобы помочь им добраться до Эдема... но теперь их со мной не было. И когда мы убьем Саррена, я вернусь в

исходную точку. Кэнин уйдет, и я снова останусь одна, буду скитаться по свету. Если только не приму предложение Шакала.

– Не знаю, – сказала я, вызвав у Шакала очередной вздох. – Я... подумаю над этим.

– Думай быстрее, – ответил Шакал, но тут Кэнин остановился посреди дороги, уставившись на что-то у себя под ногами. Нам стало любопытно, мы перепрыгнули через упавший ствол и подошли к нему. Мы продвигались по узкой извилистой тропе через лес, который изо всех сил старался поглотить все, что встречалось нам на пути: от тех нескольких домов, что я разглядела сквозь толстые деревья, остались лишь гнилые, увитые вьющимися растениями балки. Ничто здесь не шевелилось, и даже животные, похоже, уснули или впали в спячку, а снег покрывал все вокруг бесшумным покрывалом, заглушая любой звук. Я надеялась, что Кэнин знал, что делает, когда повел нас в эту глушь.

Кэнин так и стоял неподвижно, но теперь уже смотрел куда-то сквозь деревья. Поглядев на дорогу, я поняла, что его остановило.

Два узких прямых следа прорезали снег, пересекали дорогу и исчезали в лесу на другой ее стороне. Я удивленно моргнула. Машина? Должно быть, очень маленькая, если может проехать в столь густой чаще. А между прямыми следами были следы какого-то животного. Во всяком случае, точно не человеческие.

– Здесь прошла лошадь с повозкой, – объяснил Кэнин, видимо заметив мое растерянное лицо. – Недавно. Возможно, несколько часов назад. – Он поглядел сквозь деревья, и голос его внезапно стал суровым. – Тот, кто оставил эти следы, не успел уехать далеко.

– Как вовремя, – рыкнул рядом со мной Шакал; на лице его мелькнула злая усмешка, а взгляд был устремлен туда же, куда и взгляд Кэнина, – в лес. В глазах его горел опасный огонек, он улыбнулся, и его клыки сверкнули. – Будем надеяться, там несколько человек. Я совсем не расположен делиться.

Поблизости есть люди. От этой мысли Голод немедленно проснулся, мучительно скрутил мое тело. Я почувствовала, как лезут наружу, толкаются в нижнюю губу клыки, и внезапно прониклась ненавистью к стоящим рядом вампирам – конкурентам за еду.

– Ну пошли, – устало сказал Кэнин. Он сошел с дороги и не оглядываясь направился в чащу. – Давайте покончим с этим.

Глава 3

По следам мы шли недолго.

Когда мы прошагали примерно две сотни ярдов, деревья стали редеть, и перед нами открылось небольшое поле, огороженное грубо обтесанными бревнами. Земля за изгородью была вся истоптана, и, вдохнув, я ощутила в морозном воздухе знакомые запахи навоза и скотины. Пастбище, разумеется, пустовало. Никто не станет оставлять животных снаружи ночью – по той же причине, по которой люди не отваживаются выходить ночью из дома: чтобы их не растерзали в мгновение ока бешеные.

Я жадно всматривалась в пространство за полем, выискивая признаки человеческого жилья. Когда я кочевала с паствой Джебедайи, мы однажды наткнулись на ферму Арчеров, уединенное поместье, окруженное забором для защиты от бешеных. Сарай и громадный дом находились внутри стены, и члены семьи Арчеров могли свободно перемещаться даже ночью, главное – не покидать пределы ограды.

Но, к моему изумлению, здесь стены не было, даже самой маленькой. На краю поля, лениво пуская дым из кирпичной трубы, пристроился дом. Темный, двухэтажный и совершенно незащищенный, он беззастенчиво расположился на открытом пространстве – не было ни факелов, ни ворот, ничего, что обороняло бы его от ходячих ужасов леса.

– Что ж, это интересно, – пробормотал Шакал, опираясь локтями на бревно. – Стены нет. А кровавые мешки там, несомненно, есть, если только бешеные внезапно не побороли свой страх перед огнем. – Наморщив лоб, он разглядывал дом, точно некую диковинку, которой прежде не встречал. – В общем, думаю, либо эти куски мяса самые удачливые ублюдки из всех, кто когда-либо ходил по земле, либо у этого дома есть для нас парочка неприятных сюрпризов. – Фыркнув, он отошел от изгороди и покачал головой. – Это, конечно, в любом случае неважно. Я их все равно достану. А сколько я из них выпью – зависит от того, как сильно они успеют меня выбесить, прежде чем я до них доберусь.

Я рыкнула на него – мое чудовище недовольно вскинулось.

– Лучше тебе не убивать всех, – холодно сказала я, и Шакал поднял бровь. – По крайней мере, пока я не насыщусь. Найди себе человека и кормись. В этот раз я делиться не буду.

– Ох, сестра, – Шакал притворился, будто смахивает слезу, – послушать тебя, так ты говоришь совсем как настоящий вампир. Я так тобой горжусь.

– Мы не станем, – жутким спокойным голосом произнес Кэнин, – никого убивать. Казнить людей, которые в нас стреляли, – это одно. Но нет никакой необходимости устраивать бойню в спящем доме. Когда наши пути разойдутся, вы оба сможете поступать так, как вам хочется. Однако, пока этого не произошло, я здесь старший и технически глава этого ковена, и поэтому мы будем делать, как говорю я. Если вы не в состоянии с этим смириться, то всегда можете уйти. Я вас не держу.

Когда-то он уже говорил эти слова Шакалу, и тот согласился на его предложение и предал нас Саррену, но в последнюю минуту переметнулся обратно. Но теперь взгляд темных глаз Кэнина был обращен исключительно на меня – жесткий, холодный. Он отдался резкой болью у меня в животе. Господин не доверял мне – он и вправду поставил меня на одну доску с Шакалом, с вампиром, которого я когда-то ненавидела за то, что он относился к людям как к пище. В голове, дразня, зазвучали слова Шакала: «Вот за это я тебя и люблю, сестра. Мы с тобой похожи как две капли воды».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.